

Четверть века

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 25 января, 2025
Четверть века ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

(1900–1925)

Каждый рождается дважды. Не я ли
В духе родился на стыке веков?
В год изначальный двадцатого века
Начал головокружительный бег.
Мудрой судьбою закинутый в сердце
Азии, я ли не испытал
В двадцать три года всю гордость изгнания
В рыжих песках туркестанских пустынь?
В жизни на этой магической грани
Каждый впервые себя сознает
Завоевателем древних империй
И заклинателем будущих царств.
Я проходил по тропам Тамерлана,
Отягощенный добычей веков,
В жизнь унося миллионы сокровищ
В памяти, в сердце, в ушах и в глазах.
Солнце гудело, как шмель, упоенный
Зноем, цветами и запахом трав,
Век разметал в триумфальных закатах
Рдяные перья и веера.
Ширились оплеча жадные крылья,
И от пространств пламенели ступни,
Были подтянуты чресла и вздуты
Ветром апостольские паруса.
Дух мой отчаливал в желтых закатах
На засмоленной рыбацкой ладье –
С Павлом – от пристаней Антиохии,
Из Монсеррата – с Лайолою в Рим.
Алые птицы летели на запад,

Шли караваны, клубились пески,
Звали на завоевание мира
Синие дали и свертки путей.
Взглядом я мерил с престолов Памира
Поприща западной тесной земли,
Где в утаенных портах Средиземья,
На берегах атлантических рек
Нагромождали арийские расы
Улья осиных разбойничьих гнезд.
Как я любил этот кактус Европы
На окоеме Азийских пустынь —
Эту кипящую магму народов
Под неустойчивой скорлупой,
Это огромное содроганье
Жизни, заклепанной в недрах машин,
Эти высокие камни соборов,
Этот горячечный бред мостовых,
Варварский мир современной культуры,
Сосредоточившей жадность и ум,
Волю и веру в безвыходном беге
И в напряженности скоростей.
Я со ступеней тысячелетий,
С этих высот незапамятных царств,
Видел воочью всю юность Европы,
Всю непочатую ярь ее сил.
Здесь, у истоков Арийского мира,
Я, преклонившись, ощупал рукой
Наши утробные корни и связи,
Вросшие в самые недра земли.
Я ощутил на ладони биенье
И напряжение артерий и вен —
Неперекушенную пуповину
Древней Праматери рас и богов.
Я возвращался, чтоб взять и усвоить,
Все перечувствовать, все пережить,
Чтобы связать половодное устье
С чистым истоком Азийских высот.

С чем мне сравнить ликование полета
Из Самарканда на запад — в Париж?
Взгляд Галилея на кольца Сатурна...
Зная Писарро над сонмами вод...
Было... все было... так полно, так много,
Больше, чем сердце может вместить:
И золотые ковчеги религий,
И сумасшедшие тромбы идей...
Хмель городов, динамит библиотек,
Книг и музеев отстоянный яд.
Радость ракеты рассыпаться в искры,
Воля бетона застыть, как базальт.
Все упоение ритма и слова,
Весь Апокалипсис туч и зарниц,
Пламя горячки и трепет озноба
От надвигающихся катастроф.
Я был свидетелем сдвигов сознания,
Геологических оползней душ
И лихорадочной перестройки
Космоса в «двадцать вторых степенях».
И над широкой излучиной Рейна
Сполохов первых пожаров войны
На ступенях Иоаннова Здания
И на сферических куполах.
Тот, кто не пережил годы затишья
Перед началом великой войны,
Тот никогда не узнает свободы
Мудрых скитаний по древней земле.
В годы, когда расточала Европа
Золото внуков и кровь сыновей
На роковых перепутьях Шампани,
В польских болотах и в прусских песках,
Верный латинскому духу и строю,
Сводам Сорбонны и умным садам,
Я ни германского дуба не предал,
Кельтской омеле не изменил.
Я прозревал не разрыв, а слиянье

В этой звериной грызне государств,
Смутную волю к последнему сплаву
Отъединенных историей рас.
Но посреди ратоборства народов
Властно окликнут с Востока, я был
Брошен в плавильные горны России
И в сумасшествие Мартобря.
Здесь, в тесноте, на дне преисподней,
Я пережил испытанье огнем:
Страшный черед всероссийских ордалий,
Новым тавром заклеивших наш дух.
Видел позорное самоубийство
Трона, династии, срам алтарей,
Славу «Какангелия» от Маркса,
Новой враждой разделившего мир.
В шквалах убийств, в исступленьи уособиц
Я охранял всеединство любви,
Я заклинал твои судьбы, Россия,
С углем на сердце, с кляпом во рту.
Даже в подвалах двадцатого года,
Даже средь смрада голодных жилищ
Я бы не отдал всей жизни за веру
Этих пронзительно зорких минут.
Но... я утратил тебя, моя юность,
На перепутьях и расстанях Понта,
В зимних норд-остах, в тоске Сивашей...
Из напряженного стержня столетья
Ныне я кинут во внешнюю хлябь,
Где только ветер, пустыня и море
И под ногой содроганье земли...
Свист урагана и топот галопа
Эхом еще отдается в ушах,
Стремя у стремени четверть пробега,
Век – мой ровесник, мы вместе прошли.

16 декабря 1927 г., Коктебель.
В дни землетрясения. Goşgular